
С. И. СУЛИМОВ

ВАРВАРСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ: АНТИЧНЫЙ УРОК ДЛЯ НАШИХ ДНЕЙ

Данная работа посвящена выявлению характерных черт взаимодействия варварского и цивилизованного обществ. В качестве примера этого социального явления в прошлом автор приводит Великое переселение народов, в ходе которого провинции Западной Римской империи были заняты культурно и этнически чуждыми ей германцами. Современное взаимодействие варварства с цивилизацией рассматривается на примере массовой миграции азиатов и африканцев в страны Западной Европы. Анализ такого взаимодействия в прошлом и настоящем показывает, что варварское вторжение неизбежно: ведь цивилизация нуждается в варварах-мигрантах сильнее, чем они – в цивилизованных соседях или покровителях.

Ключевые слова: *варварство, цивилизация, миграция, вторжение, толерантность.*

Говоря о современной эпохе, многие отечественные и зарубежные авторы сравнивают ее с Великим переселением народов. Например, американский исследователь П. Дж. Бьюкенен и российский ученый Н. А. Медушевский проводят множество параллелей между варварским нашествием, захлестнувшим Европу на рубеже IV–V вв. н. э., и современной волной мигрантов из стран третьего мира, стремительно переселяющихся в страны ЕС, Северной Америки и, в меньшей степени, в Россию. Однако до тех пор, пока мы не приведем критерии варварства, подобные утверждения будут лишь красивыми метафорами. В данной работе мы предпримем попытку определить понятия варварства и, следовательно, цивилизации, которой оно противостоит, а также рассмотрим основные миграционные процессы современности с обозначившейся позиции. Дифференцировать термины «культура» и «цивилизация» в данной работе мы не станем, хотя это совсем не одно и то же. Просто поставленные нами задачи никак не связаны с данной проблемой.

Современный отечественный исследователь Н. В. Мотрошилова полагает, что цивилизация и варварство – это этапы обществен-

*Историческая психология и социология истории 2/2020 73–85
DOI: 10.30884/ipsi/2020.02.05*

ного развития, которые соседствуют в мире в течение всей его истории, но при этом цивилизация, будучи более прогрессивным и зрелым типом общества, медленно и неуклонно вытесняет варварство. Цивилизацию исследователь определяет следующим образом: «Цивилизация же означает *усложняющееся взаимодействие не прекращающих своего влияния природно-биологических факторов с социально-историческими регулятивами, возрастающее значение последних в развитии человеческого рода*» (Мотрошилова 2010: 22; курсив автора). То есть в цивилизованном обществе социально-исторические факторы доминируют над природно-биологическими (например, естественный природный ландшафт преобразуется в соответствии с нуждами населяющего его общества).

Существенными чертами цивилизации Н. В. Мотрошилова считает следующие:

- постоянно совершенствующееся материальное производство;
- возрастающее вмешательство общества в природные процессы (то есть цивилизация – это противоположность присваивающего хозяйства);
- углубляющееся разделение труда;
- взаимодействие нескольких форм собственности;
- демократизация политики и права;
- стремление к ненасильственным формам решения проблем;
- стремление к материальному комфорту;
- создание идеальных образов (религия, мораль, искусство и т. д.);
- общемировой характер цивилизации в том смысле, что нет такого народа, который не мог бы цивилизацию усвоить или создать.

Не все из перечисленных признаков адекватно передают суть цивилизации. Например, демократизация политики и права не соответствует реалиям античного общества эпохи принципата и домината, когда рядовой гражданин или подданный был абсолютно бесправен перед функционерами государственного механизма, а чиновники нередко становились жертвами сфабрикованных судебных обвинений или даже бессудных расправ со стороны императоров. То же самое можно сказать и о стремлении к ненасильственному решению проблем. Из стремления к материальному комфорту и из боязни лишних финансовых трат цивилизованное общество действительно старается по пустякам не воевать или хотя бы делает это чужими руками. Однако в ситуациях, когда абсолютное военное превосходство на стороне цивилизации, более слабые соседи без колебаний подвергаются депортации, ограблению или даже фи-

зическому уничтожению (геноцид индейцев в США или разрушение Иерусалима римлянами – наглядные примеры). По отношению к своим гражданам цивилизация всегда говорит языком принуждения, хотя и старается избегать его в официальной пропаганде. Например, невозможно представить, чтобы римский или китайский император перед кем-то открыто оправдывался.

Из озвученных выше черт мы считаем по-настоящему присущими цивилизации следующие: *постоянно совершенствующееся материальное производство; возрастающее вмешательство общества в природные процессы; углубляющееся разделение труда; стремление к материальному комфорту; общемировой характер цивилизации; создание идеальных образов*. Касательно последней особенности необходимо оговориться, что цивилизация чаще всего не создает идеальные образы, а творчески развивает, углубляет и переосмысливает их. Например, композитор пишет оперу по мотивам древней легенды, заставляя полузабытые мифологические образы звучать ярко, интересно и современно.

Также Н. В. Мотрошилова предлагает присущие цивилизованному человеку качества: трудолюбие, правосознание и стремление к материальному комфорту. Эти указанные признаки нуждаются в серьезной оговорке. Когда мы говорим о трудолюбии цивилизованного человека, то сразу приходят на ум грандиозные архитектурные и хозяйственные сооружения древности и Нового времени. Но не будем забывать, что легендарную Великую китайскую стену, Адрианов вал, Колизей или Транссибирскую магистраль строили не сознательные добровольцы, а невольники, бесправные солдаты и законтракованные рабочие. Те, кто замышлял эти масштабные сооружения и осознавал их полезность, сами трудиться на строительстве не хотели. Цивилизация мастерски приводит в действие целые армии плантационных рабов, пеонов, кули, солдат регулярных войск, но все эти социально-экономические механизмы созданы и налажены только потому, что сами цивилизованные люди трудиться не любят и не хотят. Поэтому можно говорить не об их трудолюбии, а, скорее, о *глубокой рационализации* трудовой деятельности. Правосознание цивилизованного общества не подлежит сомнению, но носит двойственный характер. С одной стороны, каждая сфера его общественной жизни действительно регламентирована законами, но, с другой стороны, эти законы далеко не всегда защищают интересы большей части граждан. Римский колон, американский раб, мексиканский пеон или русский крепостной

вряд ли бы согласились с тем, что законы в их странах хороши. Поэтому лучше говорить не о правосознании, а о *всесторонней правовой регламентации*. А вот с таким критерием, как стремление к материальному комфорту, спорить не будем: это действительно «визитная карточка» цивилизации. В частности, именно цивилизованному обществу присуще производство предметов роскоши, назначение которых никак не связано с удовлетворением жизненно важных потребностей. Например, именно цивилизация подарила миру развлекательную литературу или светские, лишённые любого сакрального содержания театральные постановки.

Теперь необходимо уточнить, кто же такие варвары. Кого принято именовать этим словом? Н. М. Мотрошилова полагает, что варварство существует в двух спектрах. Во-первых, это исторический этап в развитии общества, который на данный момент не все социумы успели миновать. Для него характерно доминирование природно-биологических механизмов и стимулов в общественной жизни над социально-историческими. Это не значит, что варвары не знают «надприродных» механизмов регуляции общественной жизни, просто природно-биологические факторы воздействуют на их жизнь сильнее. Утверждение это звучит очень общо, но, как мы увидим ниже, суть его верна. Во-вторых, Н. М. Мотрошилова выделяет такой феномен, как «внутреннее», или «цивилизованное», варварство: «Рецидивы варварства в условиях зрелой (в масштабах истории) цивилизации означают, что упомянутые ранее механизмы, формы и принципы в той или иной стране, в тот или иной период истории либо не стали действенными, массовыми, либо под влиянием целого комплекса причин оказались вытесненными на периферию социального действия» (Мотрошилова 2010: 87). «Внутреннее» варварство действительно существует – достаточно вспомнить обитателей трущоб, окраинных районов и фавел, профессиональных арестантов и т. д. Но варваризация общества происходит лишь тогда, когда система ценностей этой социальной прослойки становится в обществе господствующей, а для этого общественное тело и государственный механизм должны как минимум прийти в серьёзный упадок.

К сожалению, Н. М. Мотрошилова уделяет основное внимание в своих исследованиях именно цивилизованному обществу, предпочитая говорить о варварах лишь апофатически. Но одну важную черту варварского социума она все же обнаруживает: «Варварство – как человеческая (все же) история – уже подразумевает и определённую степень свободы индивида, и социальное взаимо-

действие индивидов и социальных групп. Но принципиальные отличия варваров от людей цивилизации – опора на подчинение грубой силой, коварство в отношениях к “близким” и “далеким”, незнание правовых и нравственных норм или, уже при их наличии, нежелание, неумение соблюдать их, подчинение им не иначе как при постоянном сохранении силы, насилия, надзора (без сознательной, постоянной и внутренней потребности самостоятельно действовать в качестве правовых и нравственных субъектов). Итак, сугубо относительная социальная, правовая, нравственная вменяемость, дисциплинированность варваров если и возможна, то исключительно при условии реального или грозящего им насилия, наказания и т. д.» (Мотрошилова 2010: 122). Если вспомнить такие хрестоматийные примеры варварства, как дружины скандинавских викингов, шотландские кланы или орды кочевников, то справедливость данного критерия окажется вне сомнений. Однако следует оговориться, что исполнительная власть в варварских обществах если и есть, то очень слабая. Поэтому варвар в своих поступках находится скорее под контролем общественного мнения и его конкретных выразителей в лице родственников и товарищей по оружию, нежели со стороны какого-то безличного государственного механизма. У любых варваров понятие «свойственности» действительно более узкое, чем у цивилизованных людей, тяготеющих к космополитизму, но в пределах группы «своих» (рода, клана, дружины) каждый шаг варвара тоже регламентирован. Другое дело, что правосудие варваров (например, судебные поединки) с точки зрения цивилизованных людей выглядит грубо, а узко понимаемая групповая верность кажется коварством или беспринципностью.

Возникает закономерный вопрос: варварство – это абсолютная категория или относительная? Полагаем, что относительная, потому что ни один народ себя варварами не называет и в открытую оппозицию цивилизации не становится. Более того, мы знаем о варварах не то, что говорили о себе они сами, а лишь те детали, на которых сочли нужным акцентировать внимание их цивилизованные соседи: исследователи, путешественники, торговцы и разведчики. А данная публика далеко не всегда бывает объективной. Вот что, к примеру, писал о варварах Аристотель: «У варваров женщина и раб занимают одно и то же положение, и объясняется это тем, что у них (варваров. – С. С.) отсутствует элемент, предназначенный по природе своей к властвованию. У них бывает только одна форма общения – общение раба и рабыни. Поэтому и говорит поэт: “Прилично властвовать над варварами грека”; варвар и раб по природе

своей понятия тождественные» (Аристотель 2010: 23). То есть античный классик не обнаружил у скифов и фракийцев того типа семейных отношений, который был распространен у эллинов (согласно которому жена – первая из служанок), и на этом основании провозгласил негреческие народы духовными мутантами. Аналогично отзывался о противниках Александра Македонского Плутарх. Цивилизованное общество называет варварами любые народы, жизнь которых протекает в иных культурных формах. Ведь во время греко-персидских войн эллины даже персов именовали варварами, хотя уровень развития восточной цивилизации не уступал античному.

Ситуация немного меняется, когда цивилизованное общество вынуждено жить с варварами бок о бок, не имея возможности их подчинить или даже потерпев от них военное поражение. Именно тогда начинается стремительная демонизация нецивилизованных соседей, сочиняются и озвучиваются легенды о кровожадных дикарях и т. д. (Сулимов и др. 2020). Когда нет возможности изгнать варваров вооруженной рукой, о них придумываются страшные сказки, в которых мимолетные впечатления перемежаются с желанием напугать читателя, вызвать в нем отвращение. Вот как, к примеру, описывает угрожавших имперской границе гуннов Аммиан Марцеллин (2005: 539): «Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткнут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости». В таких же выражениях описывает кочевников – соседей империи Хань – китайский летописец Фан Сюаньлин: «Ходят с распущенными, свисающими волосами, одеваются в кожи, едят вонючую баранину, пьют кислое молоко и тем не менее повергают в трепет расположенные в центре земли Серединного государства, причем так продолжается с древности. <...> Обычаи их порочны и лукавы, разум заставляет бросаться вперед, и о них подробно записано в предыдущих историях» (Фан Сюаньлин 1989: 29). И дело здесь не в специфике кочевого образа жизни: германцы в изложении Тацита и славяне в описании Прокопия Кесарийского выглядят приблизительно так же.

Многие исследователи отмечают, что цивилизованное общество на поздних этапах своего развития не может обойтись без варварских соседей и требует лишь, чтобы они вели себя в соответствии с закрепленной за ними социальной ролью. Что же это за

роль? В силу предельной рационализации труда цивилизации постоянно требуются новые рабочие руки и налогоплательщики. Ее вооруженные силы нуждаются в новых рекрутах, боевой потенциал которых не страдал бы из-за низкой платы и скотских условий жизни. Поэтому варварское вторжение начинается не с прорыва варварами оборонительных рубежей дряхлеющих империй, а с того момента, как империи сами приглашают на свою территорию различных переселенцев, наемников, федератов и т. д. От этих «новых граждан» требуется быть послушными имперским законам и честно заполнять отведенную им нишу в имперской экономике. До тех пор, пока вооруженные силы цивилизации в состоянии поддерживать среди варварских переселенцев повиновение, ситуация оказывается для государства выигрышной (Успенский 2005: 71). Если растущее цивилизованное общество само вторгается в варварские земли, замыкая их жителей в оковы многочисленных псевдоморфоз и антисистем (история знает немало таких случаев), то дряхлеющее имперское общество, прежде пытавшееся оборонить свои границы от чужаков, теперь попросту нуждается в них. Многочисленные укрепления, казавшиеся прежде неприступными (Великая китайская стена, Рейнский лимес, Тиритакский вал, Бактрийская стена и т. д.) сами распахивают свои ворота чужеземцам. И с этого момента запускается социально-исторический механизм, приводящий к гибели цивилизованного общества. Ведь образ жизни «новых граждан» не соответствует цивилизованному, а выгнать их или подвергнуть насильственной ассимиляции невозможно. Сами же варвары, не понимая и не уважая своих новых соседей, считаются лишь с той вооруженной силой, которой последние располагают, и совсем не против перераспределить материальное достояние цивилизации в свою пользу. Ведь, как отмечалось выше, для варваров характерно очень четкое разделение мира на «своих» и «чужих». И никакого размытого «человечества» или «гражданского долга» они знать не желают. Момент, когда варвары одолеют самонадеянных цивилизованных суверенов на поле боя, наступит обязательно, и совсем неважно, сколько раз прежде варвары будут разбиты и усмирены (Сулимов и др. 2020). На этом цивилизация временно прекратит свое существование. Временно – потому, что многие ее материальные и духовные достижения обретут новую жизнь в обществе усвоивших их варваров. Так, вождь готов Аларих, грабя

Рим, не трогал церкви, а монгольский хан Хубилай, надев корону китайских императоров, проявлял интерес к буддизму и даосизму.

До сего момента мы говорили о варварах и их миграциях вообще. Теперь же необходимо коснуться современных трудовых и прочих мигрантов в частности. Как уже говорилось выше, наибольший их приток происходит в страны Западной Европы, хотя и не обходит стороной Северную Америку и Россию. Прежде всего следует отметить, что современные мигранты входят в Европу через ту же дверь, через которую некогда проникли сюда предки нынешних немцев, французов и англичан: их настойчиво приглашают. Отечественный исследователь Н. А. Медушевский отмечает, что европейские политические лидеры отдают себе отчет о «варварской» сущности мигрантов, но принимают их вполне осознанно: «...определяющий аспект – это двойственная позиция самой Европы в отношении мигрантов. Так, к примеру, страны – доноры мигрантов, например Сирия, Сомали, Южный Судан, Афганистан, Ирак и пр., – в восприятии европейцев, фактически “варварские государства”, по причине неразвитости в них институтов плебисцитарной демократии, ограниченности массовой культуры, высокой религиозности, ограниченности прав женщин и т. д. <...> Однако при этом Европейский союз выборочно принимает беженцев из данных стран, устанавливая для них определенные квоты, а также включая в орбиту своего влияния или сотрудничества отдельные “варварские” общества» (Медушевский, Шишкина 2018: 27). Мигранты именно нужны в европейских странах, а не попали туда по совокупности не связанных друг с другом причин. Французский исследователь Ж. Кепель красноречиво описал роль штрейкбрехеров, которую сыграли алжирские рабочие на французских предприятиях в 1960-е гг. (Кепель 2004: 193). В наши дни мало что изменилось: постоянный приток дешевых и нередко бесправных рабочих рук вполне соответствует той рационализации труда, которая характерна для любой цивилизации.

При этом важно отметить, что большинству мигрантов в экономике изначально отводится место неквалифицированной рабочей силы. Их образовательный уровень мало интересует цивилизованных работодателей: мигрант может иметь высшее образование, а может не уметь писать, лишь бы он справлялся с порученной ему ручной работой. Отечественный исследователь Е. А. Омельченко отмечает, что России, принимающей в основном выходцев из Средней Азии, очень повезло с их образовательным уровнем, в от-

личие от европейских стран, массово приглашающих рабочих из Афганистана: «Например, советское наследие оставило в республиках Средней Азии довольно высокий уровень грамотности: в Узбекистане грамотным является 96 % взрослого населения, в Кыргызстане – более 99 %, тогда как, например, в соседнем Афганистане – около 26 %» (Омельченко 2018: 57). При этом как с неграмотными афганскими переселенцами, так и с грамотными узбеками в стране пребывания неизбежно начинаются проблемы культурного характера. Ведь для добрососедских отношений одной грамотности и даже профессионализма недостаточно. Е. А. Омельченко справедливо пишет о том, что переселенцы при самых благих своих намерениях все-таки не всегда могут быстро адаптироваться к стилю жизни мегаполисов: «Также стало очевидным, что с каждым годом падает уровень общей образованности прибывающих мигрантов и возрастает доля тех, кто приезжает не из города, а из сельской местности и из небольших городов, уклад жизни которых не сильно отличается от деревенского. Культурная дистанция между вновь прибывающими мигрантами и принимающим их населением в Москве и других крупных городах России увеличивалась, что сделало актуальной задачу не только языковой, но и культурной адаптации мигрантов для содействия их мягкой интеграции в российское общество» (Там же: 47). То есть в цивилизованное общество ежегодно происходит вливание культурно и этнически чуждого элемента, от которого требуется удешевлять оплату труда для местных предпринимателей и государственных структур. В Северной Америке, где армии комплектуются исключительно на контрактной основе, мигрантов также рады видеть на низкооплачиваемых солдатских и унтер-офицерских должностях.

Возникает закономерный вопрос: согласятся ли мигранты безропотно играть предназначенную им социальную роль? Разумеется, нет, потому что ни один человек на свете не захочет мерить свою жизнь только лишь категориями работы и зарплаты. А если учесть, что ощущение «свойства» у варваров всегда очень узкое и строго конкретное, то они не испытывают к жителям и даже правительствам принимающих стран никакой благодарности и иных теплых чувств. Европейские страны для них – это прежде всего ареал обитания их собственных, варварских народов или даже племен, а вовсе не «единое экономическое пространство». Для варваров нет ничего аморального в том, чтобы безнаказанно грабить или притеснять местное население, если на это хватит сил. В свою оче-

редь, местные правительства и предприниматели в экономическом плане не могут обойтись без мигрантов, зато вполне могут обойтись без многих собственных соотечественников. Поэтому за фасадом риторики борьбы с нелегальной миграцией процветает попустительство: «Показательным примером здесь могут считаться события в Кельне и ряде других европейских городов в начале 2016 г. Тогда (в Кельне) одновременно в ходе новогодних гуляний подверглись домогательству и сексуальному насилию или были ограблены мигрантами более 1000 женщин. Число нападавших превысило, по оценкам полиции, 1000 человек. В итоге практически никто не понес наказания, а обер-бургомистр Кельна оправдала нападавших, связав их агрессию с провокацией участвовавших в гуляниях женщин, и рекомендовала женщинам просто соблюдать дистанцию» (Медушевский, Шишкина 2018: 59–60). Напомним, что речь идет не о поведении солдат-оккупантов или каких-нибудь бунтарях-анархистах. Такую массовую акцию против туземцев принимающих стран устроили именно те мигранты, которые прибыли, спасаясь от войны или в поисках работы. Наказать их или даже выслать восвояси для полицейских служб любой европейской страны не составило бы труда. Однако местное руководство решило оставить все как есть. Поэтому Н. А. Медушевский делает закономерный вывод: «Общество в данной ситуации выступает “разменной монетой”, его коренной интерес – безопасность – игнорируется. При этом политическая элита всячески создает видимость борьбы с миграцией» (Там же: 50).

В этом парадоксе нет ничего, характерного только для современности: аналогично вели себя в дунайских провинциях Римской империи готы в IV в н. э., прибывшие туда в поисках убежища от гуннов, а еще раньше – алеманы в Галлии, куда они переселились на якобы пустующие земли. Разница лишь в том, что агрессию алеманов римский император Юлиан смог подавить, отряды их – разбить (битва при Аргенторате, 357 г.), а самих обнаглевших «гостей» из пределов империи выставить. Но вот готы нанесли римским войскам поражение (битва при Адрианополе, 378 г.) и тем самым ввергли империю в состояние хаоса. Полагаем, что до реального военного столкновения имперские чиновники ежедневно получали сотни жалоб на поведение пришельцев, но оставляли эти жалобы без внимания. Трагедия началась в момент переселения готов через Дунай, но осознать ее стали только после того, как от рук варваров погиб император Валент. И, разумеется, запоздалое

прозрение уже ничего не могло изменить. Те правовые и экономические меры, которыми перепуганная имперская администрация пыталась задобрить распоясавшихся мигрантов, могли сгодиться для собственных взбунтовавшихся крестьян, но никак не для агрессивных, чуждых в культурном отношении пришельцев, почувствовавших безнаказанность. Французский историк Л. Альфан иронично описывает сложившуюся в те дни ситуацию, которая идентична современному европейскому положению дел: «Тем не менее, повсюду или почти повсюду варвары селились под прикрытием закона; и поскольку выделение земель было, как правило, делом временным, римское население терпеливо сносило эту неприятность. Люди считали так: варвары – постояльцы, грубые и алчные, но всего лишь постояльцы, скоро они уйдут дальше в поисках новых приключений. И в самом деле, поначалу они не оставались в одной и той же местности очень надолго. Разве усидишь на месте, представив себе, сколько еще осталось совершенно нетронутых провинций? Приблизительно такими, насколько документы позволяют проникнуть в мысли людей того времени, были иллюзии, которые питало большинство римлян в середине V в.» (Альфан 2006: 25–26).

Но современность имеет важную особенность, которой не существовало в «темные века», а именно – религиозный радикализм, а если еще точнее – радикальный исламизм и вдохновляемые им террористические движения. Далеко не все заплонившие Западную Европу мигранты являются мусульманами. К примеру, выходцы из стран Африки южнее Сахеля в большинстве своем к исламу безразличны. Однако с 1970-х гг. во Франции и Германии существуют религиозные организации и политические партии, объединяющие мигрантов-мусульман. И не все эти объединения выражают по отношению к принимающим странам лояльность. Так, организация «Большая парижская мечеть» активно сотрудничает с французскими миграционными службами и полицией, но кроме нее существует Союз исламских организаций Франции (СИОФ), оказывающий поддержку тунисским, алжирским и египетским исламистским организациям (в том числе и практикующим терроризм) (Долгов 2017: 108–109). Один из руководителей СИОФ Тарик Убру даже настаивает на замене в местах компактного расселения мусульман французского законодательства шариатом. Отечественный исследователь Б. В. Долгов так характеризует популярную среди

французских мусульман доктрину коммунотаризма: «Наиболее радикально настроенные ее сторонники отказывались от интеграции во французское общество и исповедовали исламистскую идеологию, проповедовавшуюся, как правило, в районах проживания немужской части мусульман-мигрантов, зачастую в полуподвальных местах религиозного культа» (Долгов 2017: 140). Опять же, не все европейские мусульмане сочувствуют радикалам или одобрительно относятся к исламистскому терроризму (который уже не раз давал о себе знать во Франции), но само присутствие исламистов (Сулимов 2019: 228–272) в Европе, культурно чуждом им регионе, означает глубокое изменение баланса сил на демографическом и духовном фронтах. Античная цивилизация не имела дел с всепроникающей сектантско-террористической сетью, но все равно погибла из-за своей толерантности по отношению к варварам. Значит, у современных западных государств в долгосрочной перспективе еще меньше шансов уцелеть в необъявленном противостоянии с мигрантами, чем было у их древних предшественников.

Подводя итоги, необходимо честно, без политаеса задаться вопросом: могут ли варвары в принципе быть интегрированы в цивилизованное общество? Ведь они при необходимости могут обойтись без цивилизации, а цивилизация на этапе миграций без их рабочих рук и налоговых поступлений обойтись уже не может. Следовательно, именно варвары могут диктовать условия цивилизованному обществу, а не наоборот (по крайней мере на том этапе, когда цивилизация поощряет мигрантов). История дает нам очень понятный ответ на этот вопрос: варвары могут быть интегрированы в цивилизованное общество и даже счесть это для себя благом. Но такая интеграция должна проводиться не только при помощи извлечения экономических выгод и декларирования расплывчатых лозунгов, но и на понятном варварам языке: языке силы. К примеру, Римская республика очень цепко интегрировала Галлию, а империя – Британию именно потому, что не стеснялась применять вооруженную силу и бескомпромиссно отстаивать интересы собственных переселенцев-колонистов. Российская империя и Соединенные Штаты Америки продемонстрировали всему миру, что даже кочевников можно интегрировать и принудить к оседлому образу жизни, если грамотно инспирировать процесс седентаризации. Разумеется, процесс такой интеграции не проходит безболезненно и чреват опасными издержками наподобие формирования псевдоморфозы, но он

хотя бы не приводит ни одно из обществ к гибели (хотя нередко и калечит некоторых из них). Гораздо лучше было бы всем странам и культурам поддерживать между собой добрососедские отношения и без крайней нужды не вмешиваться и не вмешивать никого в свои и чужие дела. Но если это невозможно, то каждое цивилизованное государство должно защищать прежде всего своих граждан, а не абстрактное человечество, и оборонять свои святыни независимо от того, насколько это толерантно. Такая позиция не всеми одобряется, но вызывает уважение даже у самых агрессивных и диких варваров.

Литература

Альфан, Л. 2006. *Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века.* М.: Вече.

Аммиан Марцеллин. 2005. *Римская история.* М.: АСТ.

Аристотель. 2010. *Политика.* М.: АСТ.

Долгов, Б. В. 2017. *Арабо-мусульманское сообщество во Франции: Исламская идентификация и светская демократия (1980–2016 годы).* М.: ЛЕНАНД.

Кепель, Ж. 2004. *Джихад. Экспансия и закат исламизма.* М.: Ладомир.

Медушевский, Н. А., Шишкина А. Р. 2018. *Миграционные процессы современности. Ситуативное явление или глобальный исторический вызов?* М.: ЛЕНАНД.

Мотрошилова, Н. В. 2010. *Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов.* 2-е изд. М.: ИФ РАН.

Омельченко, Е. А. 2018. *Интеграция мигрантов средствами образования: российский и европейский опыт.* М.: Этносфера.

Сулимов, С. И. 2019. *Межкультурные взаимодействия в формировании антисистем: опыт социально-философского исследования.* Воронеж: Изд. дом ВГУ.

Сулимов, С. И., Трегубова, Д. Д., Черниговских, И. В. 2020. Социально-философские идеи «Хэй да ши люэ»: встреча цивилизации и варварства. *Манускрипт: научно-теоретический и прикладной журнал* 2(13): 145–152.

Успенский, Ф. И. 2005. *История Византийской империи:* в 5 т. Т. 1. Период I (до 527 г.). Период II (518–610 гг.). М.: Астрель.

Фан Сюаньлин 1989. Цзинь-шу. *Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв.:* в 4 вып. Вып. 1. Сюнну. М.: Наука, с. 29–162.